

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ И ГЕРМАНИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация.

Актуальность и цели. Сопоставление генезиса гражданского общества в России и Германии, имеющих общие типологические черты, выражающиеся в этатизации общественной сферы, т.е. доминировании в этой сфере государства, выявляет политико-правовые условия, способствующие и препятствующие становлению гражданского общества. При сопоставлении данных процессов в двух государствах делалась установка на выявление общих закономерностей и отличий. Также ставилась задача продемонстрировать возможность существования модели гражданского общества, институты которого интегрированы в систему публичного управления, что кардинально отличает данную модель от ее классического аналога, основанного на противопоставлении гражданского общества государству; показать реализацию модели в Германии.

Материалы и методы. Статья анализирует политико-правовые обстоятельства институционализации гражданского общества в России и в Германии. Описание основано на общих элементах, включая анализ эпохи, в которой закрепляются общественные структуры нового типа, обосновывается выделение самостоятельных этапов данной институционализации, характеризующихся достижением относительных целей.

Результаты. При сопоставлении институционализации гражданского общества в двух государствах выявлены общие этапы данного процесса, показаны закономерности правового оформления некоммерческого сектора, соответствующие общей динамике социально-политической модернизации. Первый этап – закрепление права на самоорганизацию при преодолении сопротивления автократической власти. Второй этап – по мере демократизации политической системы создание организационно-правовых условий для всеобъемлющего взаимодействия государства и некоммерческого сектора в публичных интересах.

Выводы. Институционализация гражданского общества в Германии стала происходить на несколько десятилетий раньше, чем в России, поскольку там раньше началась социально-экономическая и политико-правовая модернизация. Отличительной чертой данной институционализации являлась ориентация на компромисс с авторитарным государством и привлечение организаций некоммерческого сектора к формированию и реализации государственной политики. В России данный этап затянулся до начала XX в. из-за сопротивления самодержавия предоставлению либеральных прав. К 1960–1970 гг. в Германии завершился второй этап институционализации гражданского общества, выражающийся в широкомасштабном интегрировании части некоммерческого сектора в систему публичного социального обеспечения на основе принципа субсидиарности. В России из-за разрыва естественного хода становления гражданского общества в период коммунистической диктатуры схожие тенденции

реализуются вплоть до сегодняшнего дня при доминировании в этом процессе государства.

Ключевые слова: институционализация гражданского общества, модернизация, право на самоорганизацию, система публичного социального обеспечения, субсидиарность, Независимые ассоциации благоденствия.

D. V. Polyanskiy

INSTITUTIONALIZATION OF CIVIL SOCIETY IN RUSSIA AND GERMANY: A COMPARATIVE LEGAL ASPECT

Abstract.

Background. The comparison of the genesis of civil society in Russia and Germany, having common typological features, expressed in the etatization of the public sphere, i.e. domination in this area of the state, reveals political and legal conditions that promote and hinder the formation of a civil society. When comparing these processes in two states, the aim was to identify common patterns and differences. The task was also to demonstrate the possibility of the existence of a model of a civil society, the institutions of which are integrated into the public administration system, which fundamentally distinguishes this model from its classical counterpart, which is based on the opposition of civil society to the state; to show the implementation of the model in Germany.

Materials and methods. The article analyzes the political and legal circumstances of the institutionalization of civil society in Russia and in Germany. The description is based on common elements, including an analysis of the epoch in which social structures of a new type are fixed, the allocation of independent stages of this institutionalization, characterized by the achievement of relative goals, is justified.

Results. When comparing the institutionalization of civil society in two states, the general stages of this process are revealed, and the patterns of legal registration of the non-profit sector, corresponding to the general dynamics of socio-political modernization, are shown. The first stage is the consolidation of the right to self-organization while overcoming the resistance of autocratic power. The second stage – with the democratization of the political system, the creation of institutional and legal conditions for the comprehensive interaction of the state and the non-profit sector in the public interest.

Conclusions. The institutionalization of civil society in Germany began to take place several decades earlier than in Russia, since socio-economic, political and legal modernization had begun there earlier. A distinctive feature of this institutionalization was the orientation towards a compromise with an authoritarian state and the involvement of organizations in the non-commercial sector in the formation and implementation of state policy. In Russia, this stage was delayed until the beginning of the 20th century because of autocracy's resistance to liberal rights granting. By 1960–1970 the second stage of the institutionalization of civil society, expressed by the large-scale integration of a part of the non-profit sector in the public social security system on the basis of the principle of subsidiarity, was finished in Germany. In Russia, due to the rupture of the natural course of the formation of civil society in the period of the communist dictatorship, similar tendencies have been realized up to nowadays with the state dominating in this process.

Key words: civil society, institutionalization of civil society, modernization, the law of self-organization, the system of public social service, subsidiarity, Free welfare associations.

Понятие «гражданское общество» распадается на два основных измерения: идеально-нормативное и объективно-институциональное. Рассматриваемое в своем втором измерении гражданское общество ведущими на сегодняшний день социальными концепциями трактуется в целом как совокупность независимых от государства и бизнеса, инициативно создаваемых и самоуправляемых общественных образований (организаций), основанных на базе общих интересов и (или) этических норм, не ставящих целью получение прибыли и не стремящихся к политической власти [1, с. 16; 2, с. 464].

Оживление интереса к тематике гражданского общества, произошедшее в общественных науках в 1990-е гг., обусловлено, с одной стороны, поиском ключевых факторов для успеха так называемого «демократического транзита», начавшегося в тот период по всему миру от Восточной Европы до Латинской Америки, а с другой стороны, переходом к новому качеству публичного управления в развитых странах Запада, стремлению пересмотреть взаимные роли государства и общественных структур, прежде всего в сферах образования, здравоохранения, социального обеспечения.

Поскольку оба этих фактора, безусловно, имеют критическое значение для перспектив развития общества и государства и в нашей стране, проблемы генезиса гражданского общества продолжают оставаться на протяжении многих лет активно обсуждаемыми среди отечественных экономистов, юристов, политологов, социологов [3, с. 73–76; 4, с. 1–56].

В этой связи особое значение приобретают компаративистские исследования, рассматривающие закономерности становления форм общественной самоорганизации, ее политико-правовое оформление, особенно когда сопоставление производится со странами, имеющими типологически сходные черты с Россией. Среди объектов, подходящих для этой цели, особо выделяется Германия, поскольку социально-политические условия обоих государств на момент начала осуществления в них модернизации, связанной с переходом к либерально-демократической политической системе, имели схожие черты, заключавшиеся главным образом в этатизации общественной сферы, традиционном доминировании государства в процессе организации любой общественной активности и контроле над ней.

Институционализация гражданского общества изначально означала установление правовых гарантий для сферы домашних, дружеских и деловых отношений частных лиц, существующей независимо от государства, т.е. инкорпорирование в само политическое устройство таких механизмов, которые служили бы защитой от произвольного вмешательства в эту сферу политических сил, обладающих государственной властью. Условия для аналитического признания такой автономной сферы и установления для нее правовых гарантий появляются постепенно с началом Нового времени и связываются в первую очередь с изменением способа производства – индустриализацией и машинизацией основных производственных процессов. Возникновение нового производственного базиса спровоцировало изменения в структуре общества, обобщаемые термином «модернизация» и включающие в себя среди прочего рост средств коммуникаций и массмедиа, распространение массового образования и урбанизацию, резко возросшую социальную мобильность, профессиональную дифференциацию, усложнение и расслоение целей/интересов [5].

Главные бенефициары промышленной революции – третье сословие (промышленники и торговцы), а впоследствии и промышленные рабочие – требовали своей доли власти, а также добивались в целом переформатирования самого государства, перехода его в правовое состояние, ограниченного кодексом личных прав и свобод, закрепляемых в конституции. В этом перечне праву на самоорганизацию принадлежит особая роль, поскольку, только действуя коллективно и организованно, индивиды способны артикулировать и защищать любые иные права и отстаивать жизненно важные интересы. Значение этого права ясно понимали как сторонники правового государства, так и его противники. Его обретение в различных государственных образованиях является, по нашему мнению, первым этапом институционализации гражданского общества и в то же время может рассматриваться как поворотный пункт модернизации политико-правовой системы в этих государствах.

В Германии модернизационный импульс, открывающий дорогу основным буржуазным свободам, в том числе свободе на самоорганизацию, был придан разгромом Пруссии Францией. Это вызвало волну беспрецедентных реформ правительства, государственной администрации и отношений «государство – общество». Прусское гражданское право было очищено от всех корпоративных элементов для того, чтобы обеспечить свободу торговли, свободу выбора профессии и профессиональную мобильность. Институциональный эффект заключался в создании «свободных от государства» организаций как для экономических целей, так и для политической интеграции, таких как торговые и коммерческие палаты, а также «свободные» профессиональные ассоциации [6, р. 3, 4]. Заложенная в этот период традиция комплексного взаимодействия государства со структурами гражданского общества представляет отличительную черту немецкой модели управления. В рамках этой традиции, хотя сильное государство, или этатизм, и составляло отличительную черту политической системы Германии, существовало значительное пространство для автономной коллективной деятельности, а такие «посредники», как гильдии и фратернии, некоммерческие организации и добровольные ассоциации, не воспринимались как угроза модернизации государства в XIX в. [7].

Социальные бифуркации и острые политические конфликты, сопровождавшие развитие Германии весь XIX в., нередко приводили к значительным откатам в процессе институционализации гражданского общества, и все же во второй половине XIX в. перед лицом политического подавления ассоциации стали заменой демократии, которая была объективно недостижима в границах существовавшей политической реальности. Таким образом, даже в отсутствие у граждан полного права на создание ассоциаций, последние, как институциональная форма, были полностью развиты и культурно признаны в рамках авторитарного общества, когда Германия стала нацией-государством в 1871 г. [6, р. 4, 5]. К середине XIX в. гражданам было позволено объединяться в ассоциации без какого-либо публичного позволения и преследовать благотворительные, социальные, научные и художественные цели [8].

Конstellация благоприятных факторов привела к тому, что период Кайзеровской империи (1871–1918) стал временем расцвета филантропии. Эта странная корреляция между монархической системой правления и фи-

лантропией обязана нескольким факторам, среди которых желание новой промышленно-торговой элиты поднять свой социальный статус через участие в филантропии, а также стремление улучшить условия жизнедеятельности своими силами при ограниченной вовлеченности государства в финансирование социальных, культурных или образовательных институтов [9].

В России же в данный период, даже в сравнении с Германией при всем этатизме последней, правительство не стремилось к компромиссу с какими-либо общественными группами, и проведение требуемых духом времени либеральных реформ откладывалось верхами до той крайней точки, когда их дальнейшая задержка угрожала либо утратой суверенитета, либо разрушительным социальным взрывом. Поэтому поворотными точками российской политико-правовой модернизации дооктябрьского периода являются поражение в Крымской войне и революционные события 1905 г. Точкой отсчета становления гражданского общества в полном смысле этого слова, очевидно, следует считать Великие реформы Александра II, в результате которых Россия оказалась переведенной на рельсы буржуазного развития, а в стране открылось широкое поле для общественной самодеятельности [10]. Предоставление гражданских прав массе до этого бывших в зависимом положении крестьян, реформа местного самоуправления через введение земств в сельской местности и городского самоуправления в городах, введение суда присяжных и системы народного просвещения создали объективные условия для разносторонней горизонтальной самоорганизации. Существенно были смягчены правила регистрации добровольных организаций. Тем не менее политика государства конца XIX – начала XX в. по отношению к неправительственным неприбыльным организациям носила противоречивый характер, в которой превалировал охранительный уклон. С одной стороны, государство не препятствовало, а в отдельных случаях даже поощряло создание и деятельность благотворительных обществ и общество взаимопомощи, очевидно не видя в них какой-либо угрозы. С другой стороны, педагогические и просветительские общества, рассматриваемые как вредные с точки зрения подрыва идейных устоев самодержавия, подчас встречали отказ в регистрации на том основании, что они вторгаются в исключительную сферу деятельности государственной власти [10, с. 224].

Существенной вехой в процессе обретения свободы самоорганизации российского общества стала революция 1905 г. и последующие за ней изменения в основах государственного устройства. Напуганное размахом общественного недовольства, самодержавие вступило на путь конституционного правления, провозгласило основные либеральные свободы, одной из которых была свобода общественной самоорганизации, поскольку до этого создание общественных союзов и организаций решалось профильными министерствами, исходя из их целесообразности. Первым опытом правового осуществления свободы союзов стали изданные 4 марта 1906 г. «Временные правила об обществах и союзах», которые отнесли все вопросы, связанные с открытием, регистрацией, запрещением и закрытием общественных организаций, в ведение особых учреждений – губернских (городских) по делам об обществах присутствия, руководимых губернаторами (градоначальниками). Таким образом, несмотря на то что свобода общественной самоорганизации была реали-

зована в урезанном виде, деятельность общественных организаций получила правовую основу, впервые оформленную в едином юридическом акте [11].

В последующем, вплоть до собственного крушения, самодержавие следовало уклончивым курсом, стремясь по возможности нивелировать собственные постреволюционные обещания и сохранить контроль над общественной сферой.

В полной мере правовая свобода самоорганизации была осуществлена лишь Временным правительством. В апреле 1917 г. Временное правительство приняло Постановление о свободе союзов и собраний, которое отменило все ограничения, устанавливаемые самодержавием для общественной самоорганизации по признакам вероисповедания и национальности. Отныне общества и союзы могли образовываться явочным порядком, в тех же случаях, когда они получали статус юридического лица, регистрация осуществлялась в окружных судах. Принятие данных норм стало логическим завершением процесса, начатого с принятием Временных правил об обществах и союзах 1906 г., результатом которого явилась действительная свобода создания общественных организаций, наличие законодательных и судебных гарантий прав граждан на объединение.

Остается только сожалеть, что свобода на самоорганизацию, завоеванная с таким трудом, просуществовала впоследствии столь короткий срок, и гражданское общество не успело реализовать в полной мере накопленный потенциал в условиях обострения хронического социального и политического кризисов.

О наступлении второго этапа институционализации гражданского общества после закрепления права на создание общественных организаций обоснованно говорить в связи с изменением позиции общества в целом и его политической надстройки – государства – к институционализированной части гражданского общества – некоммерческому сектору. Если первый этап институционализации характеризовался в целом подозрительно-нейтральным отношением к некоммерческому сектору со стороны автократического государства, то с постепенной демократизацией политической системы данный подход меняется. Государство, делаясь все более восприимчивым к запросам широких масс населения, становится социальным, т.е. ориентированным на удовлетворение экономических, социальных, культурных, образовательных интересов граждан. В поисках средств удовлетворения этих запросов оно, в том числе, обращается к потенциалу некоммерческого сектора, привлекая его к сотрудничеству для решения публично значимых задач. Политико-правовые формы данного взаимодействия, их нормативное закрепление и составляют, по нашему мнению, содержание второго этапа институционализации гражданского общества. При этом невозможно жестко разделять данные этапы хронологически либо связывать наступление следующего этапа с единичными властными решениями и законодательными актами. Указанные этапы институционализации взаимопроникаемы и переходят друг в друга: и в России, и в Германии борьба с автократическим государством за признание свободы на самоорганизацию соседствовала с попытками этого государства (зачастую вполне успешными) использовать возможности некоммерческого сектора для решения отдельных публичных задач. Однако основанием для того, чтобы судить о привлечении гражданского общества к реализации госу-

дарственной политики в социальной сфере как о сущностно новом этапе институционализации гражданского общества, является изменение масштаба и качества этого явления. Если авторитарное государство задействовало некоммерческий сектор от случая к случаю и по мере необходимости, то по мере демократизации этот сектор рассматривается как необходимая константа социальной политики, закрепляется ключевая роль некоммерческих организаций в комплексных отраслях права.

Так, в Германии первые шаги по интеграции гражданских ассоциаций в систему публичного управления были сделаны еще в последней четверти XIX в. Опасаясь обострения социального конфликта, вытекающего из быстрой политизации немецкого пролетариата, государство предприняло меры, направленные на смягчение этого конфликта и интеграцию рабочего класса в нацию-государство. Было принято законодательство по медицинскому страхованию, несчастным случаям, инвалидности и пенсионным фондам, которое являлось на тот момент самым продвинутым в мире, несмотря на то что политические права рабочего класса оставались ограниченными. С точки зрения влияния данной реформы на институционализацию гражданского общества первостепенным является форма, посредством которой реализовывалась новая социальная политика. Центральная роль в ее реализации была отведена корпорациям социального страхования, которые являлись независимыми структурами, с руководящими органами, формируемыми из членов организаций работников и работодателей. Таким образом, немецкая система социальной защиты с самого начала, с конца XIX в., представляла собой вид государственно-контролируемой автономии, составной частью которой выступали части гражданского общества: профессиональные союзы рабочих и объединения работодателей. Функционирование корпораций социального страхования – яркий пример реализации свойственной Германии модели корпоративизма при выстраивании отношений «государство – некоммерческий сектор» [6, р. 4, 5].

Иной формой интеграции некоммерческого сектора в систему реализации публичной политики в социальной сфере, имеющей сугубо немецкие традиции, является деятельность Независимых ассоциаций благоденствия (Freie Wohlfahrtspflege) – иерархически организованных объединений, исторически связанных с традиционными церковными общинами или социал-демократическим движением. Возникнув как частные организации благотворительности начиная с 1960–1970 гг. в связи с экспансией в Германии государства «всеобщего благосостояния», Независимые ассоциации благоденствия стали рассматриваться в равном положении с публичными образованиями, оставаясь по статусу частными организациями, и почти целиком финансироваться за счет публичных средств. Будучи зонтичными структурами для множества автономных организаций, эти ассоциации являются эксклюзивными исполнителями целого спектра социальных услуг и участвуют в формировании государственной социальной политики на всех уровнях власти. Своей уникальной ролью Независимые ассоциации благоденствия обязаны действию принципа «субсидиарности», который был впервые провозглашен в 1930-х гг. применительно к деятельности аффилированных с католической конгрегацией благотворительных структур, а затем вслед за реализацией масштабных социальных программ в 1960–1970 гг. получил официальное

признание и закрепление в ряде опорных нормативно-правовых актов. Согласно данному принципу, ответственность за социальную защиту и поддержку нуждающихся ложится в первую очередь на независимые гражданские ассоциации, а государственное вмешательство допускается лишь как «субсидиарное», т.е. только в тех случаях, когда организации гражданского общества по каким-либо причинам не справляются со своими обязанностями [12].

Оценивая в целом второй этап институционализации гражданского общества в Германии, следует отметить, что его главным результатом является фактическая гибридизация публичного и частного начал в сфере социального обеспечения. Эта гибридизация выражается через раскрытие концептов корпоративизма и субсидиарности. В Германии гражданское общество (или, по крайней мере, его наиболее значимые части) не существовало в чистом, рафинированном виде полностью независимо от государства, как это имело место в англо-американской традиции. Тем не менее это все же полноценное гражданское общество, черпающее свои основы в низовой самоорганизации граждан.

В России второй этап институционализации гражданского общества, т.е. попытки наладить интенсивное взаимодействие с организациями некоммерческого сектора, начинаются одновременно с полным закреплением свободы самоорганизации. В короткий период нахождения у власти Временного правительства делались попытки инициировать привлечение добровольных организаций к реформированию основ народного образования; министерство государственного призрения, к примеру, планировало превратить частные благотворительные общества в несущую конструкцию государственного призрения, а министерство торговли и промышленности выступало за привлечение профсоюзов к определению экономической политики [11].

В постоктябрьский период большевики на первых порах, используя разбуженный энтузиазм народных масс, широко привлекали некоммерческие организации к решению первоочередных задач экономического восстановления страны. Общественные организации принимали участие в создании экономического фундамента социалистической промышленности, в преобразовании сельского хозяйства, в решении научно-технических проблем, продовольственной проблемы, ликвидации неграмотности, борьбе с беспризорностью [13, с. 415, 419].

Вместе с тем постепенное наступление на свободу самоорганизации, начатое новой властью сначала в отношении классово и политически чуждых организаций, к моменту затухания политики НЭПа (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) и перевода страны на мобилизационные рельсы административно-командной системы привело к ликвидации базовых экономических, политических и правовых условий, необходимых для существования гражданского общества. В этих обстоятельствах организации, официально именуемые «общественными» (комсомол, профсоюзы, ДОСААФ и проч.), несмотря на их значение в жизни советского общества, однозначно не могут быть квалифицированы как институты гражданского общества в связи с их, по сути, полным огосударствлением.

Возрождение гражданского общества в нашей стране происходит с ликвидацией однопартийной политической и командно-административной эко-

номической систем, с одновременным провозглашением демократических основ государственности и признанием каталога основных либеральных прав и свобод. Свобода самоорганизации впервые в посткоммунистическую эпоху закрепляется в законе СССР от 1990 г., который узаконил фактически сложившееся положение в результате отмены цензуры и ликвидации монополии КПСС. В первое десятилетие существования новой российской государственности и формирования институциональных основ гражданского общества государственная политика в отношении последнего сводилась в основном к доброжелательному невмешательству. Главные трудности для возрождения гражданского общества в этот период были связаны с преодолением тяжелого тоталитарного наследия: воссоздания рыночной экономики, структурирования среднего класса, преодоления социально-психологических комплексов в лице атомизации, недоверия к любым формам самоорганизации и т.д.

Однако с середины 2000-х гг. подход государства к гражданскому обществу меняется. Располагая увеличившимися доходами, а также под влиянием мировых трендов и возрастающих запросов населения, государство стало прилагать систематические усилия, направленные на привлечение некоммерческого сектора к решению задач публичного управления, главным образом в социальной сфере. К числу организационно-правовых мероприятий, характерных для данного этапа, следует отнести выделение значительного субсектора социально ориентированных некоммерческих организаций с закреплением за ними комплекса мер господдержки [14]; добавление впоследствии еще одной привилегированной группы – исполнителей общественно полезных услуг [15], которые законодательно стимулированы к долгосрочному сотрудничеству с государством при оказании социальных услуг; предоставление дополнительных гарантий и стимулов для некоммерческого сектора в общественно значимых сферах через уравнивание в правах с бюджетными и коммерческими организациями при предоставлении услуг по социальному обслуживанию граждан, оплачиваемых государством [16] и др.

Отличительной чертой институционализации российского гражданского общества является совмещение в текущем отрезке ее двух этапов: собственно формирования гражданского общества как совокупности самовоспроизводящихся общественных инициатив и стремления государства максимально задействовать потенциал этих инициатив в публичных целях. Несмотря на наличие формальной правовой свободы самоорганизации, все еще до конца не сформированы базовые условия, необходимые для устойчивого существования гражданского общества. Эти условия имеют как социально-экономическую (кристаллизация общественной структуры на базе самоидентифицируемых групп, закрепление права частной собственности и формирование ответственной предпринимательской среды – основы благотворительности), так и политико-правовую (конкурентная политическая система, доступ различных групп населения к СМИ, устойчивая и самоподдерживающаяся система местного самоуправления) природу. В данных обстоятельствах стремление форсировать формирование гражданского общества в направлении его большего соответствия публичным интересам чревато опасностью возвращения к его огосударствлению. Избежать этого можно, в том числе учитывая опыт Германии, где всеобъемлющее государственно-общественное сотрудничество имеет в своей основе все же добровольную спонтанную самоорганизацию граждан.

Библиографический список

1. **Шмиттер, Ф.** Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии / Ф. Шмиттер // Полис. – 1996. – № 5. – С. 16–27.
2. **Коэн, Д. Л.** Гражданское общество и политическая теория / Д. Л. Коэн, Э. Арато. – М., 2003. – С. 784.
3. **Мельвиль, А. Ю.** Задержавшиеся и/или несостоявшиеся демократизации: почему и как? / А. Ю. Мельвиль // Полис. – 2010. – № 4. – С. 73–76.
4. Справится ли государство в одиночку? О роли НКО в решении социальной проблематики : материалы XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества / под ред. Л. И. Яковсона. – М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. – С. 56.
5. **David Horton Smith.** Trends in the Internal structures, Processes and Activities of Grassroots and Supra-Local Associations in the Past 200 Years in Western Nations / David Horton Smith // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2013. – № 4. – С. 37–40
6. **Anheier, Helmut K.** Defining the nonprofit sector: Germany / Helmut K. Anheier, Wolfgang Seibel // Baltimore. The John Hopkins Institute. – 1993. – P. 32.
7. **Archambault, Edith.** European Civil Society Compared: typically German – Typically French? / Edith Archambault, Eckhart Priller, Annette Zimmer. – URL: <http://halshs.archives-outverts.fr/halshs-00797886>
8. **Richter, Andreas.** Germany / Andreas Richter, Anna Katharina Gollan. – URL: <http://www.pplaw.com>
9. **Adam, Thomas.** The Place of foundations and Endowments in German History: A Historical – Statistical Approach / Thomas Adam, Gabriele Lingelbach. – URL: <http://citeseer.ist.psu.edu>
10. **Ульянова, Г. Н.** Некоммерческий сектор в России. Тенденции развития в дооктябрьский период / Г. Н. Ульянова // Россия в XX веке: люди, идеи, власть. – М., 2002. – С. 224.
11. **Туманова, А. С.** Государственно-правовое регулирование деятельности общественных организаций России в начале XX века: историко-юридическое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук / Туманова А. С. – М., 2004. – URL: <http://lawbook.org.ua/aa/12.00.01/2016/01/16/031123044>
12. The Third sector and the Policy Process in Germany / Annette Zimmer, Anja Appel, Claudia Dittrich, Chris Lange, Birgit Sittermann, Freia Stallmann, Jeremy Kendall. – URL: <http://www.Stiftungsverbund-westfalen.de>
13. **Коржихина, Т. П.** Из истории общественных организаций / Т. П. Коржихина, А. Д. Степанский // Историки спорят / под ред. В. С. Лельчука. – М., 1989. – С. 412–430.
14. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций : Федер. закон от 05.04.2010 № 40-ФЗ (ред. от 27.05.2014) // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 15. – Ст. 1736.
15. О внесении изменений в Федеральный закон «О некоммерческих организациях» в части установления статуса некоммерческой организации – исполнителя общественно полезных услуг : Федер. закон от 03.07.2016 № 287-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 27 (Ч. I). – Ст. 4220.
16. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации : Федер. закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 07.03.2018) // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 52 (ч. I). – Ст. 7007.

References

1. Shmitter F. *Polis*. 1996, no. 5, pp. 16–27.
2. Koen D. L., Arato E. *Grazhdanskoe obshchestvo i politicheskaya teoriya* [Civil society and the political theory]. Moscow, 2003, p. 784.

3. Mel'vil' A. Yu. *Polis*. 2010, no. 4, pp. 73–76.
4. *Spravitsya li gosudarstvo v odinochku? O roli NKO v reshenii sotsial'noy problematiki: materialy XII Mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva* [Will the state be able to manage it on its own? On the role of non-profit organization in dealing with social problems: proceedings of XII International scientific conference on economic and social development problems]. Ed. by L. I. Yakobson. Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2011, p. 56.
5. Smith D. H. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom* [Civil society in Russian and abroad]. 2013, no. 4, pp. 37–40
6. Anheier H. K., Seibel W. *Baltimore. The John Hopkins Institute*. 1993, p. 32.
7. Archambault E., Priller E., Zimmer A. *European Civil Society Compared: typically German – Typically French?* Available at: <http://halshs.archives-outverts.fr/halshs-00797886>
8. Richter A., Gollan A. K. *Germany*. Available at: <http://www.pplaw.com>
9. Adam T., Lingelbach G. *The Place of foundations and Endowments in German History: A Historical – Statistical Approach*. Available at: <http://citeseer.ist.psu.edu>
10. Ul'yanova G. N. *Rossiya v XX veke: lyudi, idei, vlast'* [Russian in the XX century: people, ideas, power]. Moscow, 2002, p. 224.
11. Tumanova A. S. *Gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie deyatel'nosti obshchestvennykh organizatsiy Rossii v nachale XX veka: istoriko-yuridicheskoe issledovanie: dis. d-ra yurid. nauk* [State legal regulation of the activity of public organizations in Russia in the early XX century: a historical and juridical study: dissertation to apply for the degree of the doctor of juridical sciences]. Moscow, 2004. Available at: <http://lawbook.org.ua/aa/12.00.01/2016/01/16/031123044>
12. Zimmer A., Appel A., Dittrich C., Lange C., Sittermann B., Stallmann F., Kendall J. *The Third sector and the Policy Process in Germany*. Available at: <http://www.Stiftungsverbund-westfalen.de>
13. Korzhikhina T. P., Stepan'skiy A. D. *Istoriki sporyat* [Historians argue]. Moscow, 1989, pp. 412–430.
14. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2010, no. 15, art. 1736.
15. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2016, no. 27 (part I), art. 4220.
16. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2013, no. 52 (part I), art. 7007.

Полянский Дмитрий Валерьевич
соискатель, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: PolyanskiiDV@mail.ru

Polyanskiy Dmitriy Valer'evich
Applicant, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 34.05
Полянский, Д. В.

Институционализация гражданского общества в России и Германии: сравнительно-правовой аспект / Д. В. Полянский // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2018. – № 3 (47). – С. 54–64. – DOI 10.21685/2072-3016-2018-3-6.